

УДК 338.124

Экономическая безопасность в условиях современного кризиса

Антропова Т.Г.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики Академии государственного и муниципального управления при Президенте Республики Татарстан (Казань), Заслуженный работник культуры Республики Татарстан

Рассмотрены проблемы экономической безопасности страны в контексте современного кризиса, новых угроз, влияющих на снижение ее уровня, предлагаются меры концептуального характера по выходу из создавшегося положения.

Ключевые слова: экономический рост, новые угрозы экономической безопасности, обеспечение экономической безопасности, современный экономический кризис, антикризисные меры, структурная перестройка, модернизация экономики на инновационной основе, конкурентоспособность отечественной промышленности в условиях мирового кризиса.

Сегодня в нашей стране в процессе трансформации экономики события развиваются таким образом, что любой объект экономической системы не сможет обеспечить эффективное решение своих экономических и социальных проблем без решения проблемы безопасности. Искусство экономической политики в этих условиях заключается в том, чтобы находить компенсационные возможности негативным процессам и активизации факторов устойчивого экономического роста, чтобы обеспечивать экономическую безопасность.

Поэтому необходимо, в качестве исходной базы, проанализировать социально-экономическую сущность российской депрессии, начавшейся в 90-х годах прошлого столетия, которая, по нашему мнению, явилась причиной снижения уровня экономической безопасности и причиной кризиса-2008. С политико-экономической точки зрения, ориентация на этот временной промежуток должна восприниматься не как возврат к старому, а как переход на качественно новый уровень, тем более, что в среднем именно двадцатилетний период характерен для цикла смены потребностей всего спектра товаров и услуг потребительского сектора. На основе этого анализа можно сформулировать не только пути выхода России из кризиса, но и *предложения по обеспечению экономической безопасности России.*

В последние 20-25 лет делаются попытки формирования механизмов предотвращения мировых

кризисов, выработки антициклической политики на уровне мирового сообщества в целом (укрепление таких **институтов**, как государственное регулирование хозяйственных процессов, создание международных финансовых организаций, проведение международного мониторинга состояния экономики и др.). Эта политика направлена на стабилизацию конъюнктуры путем регулирования совокупного общественного спроса (инвестиций, потребления, объема государственных расходов) и сглаживание экономического цикла. Примером может служить время конца 90-х – начала XXI века. В этот период имел место значительный подъем мировой экономики. В 1990-2008 годах стоимость мирового ВВП удвоилась, международная торговля выросла почти в 1,5 раза. Циклические кризисы поутихли. Росло благосостояние населения развитых стран.

Однако экономические законы неумолимы. Глобальные взаимозависимости национальных экономик, борьба за экономические рынки и передел собственности порождают новые, еще более катастрофические и глубокие кризисы. Примером тому может стать острейший кризис, развернувшийся в России с начала 90-х годов прошлого столетия. Приведем расчеты динамики ВВП России в этот период (таблица 1). За точку отсчета взят 1989 год, поскольку это был год, с которого началось падение ВВП в Российской Федерации.

Динамика ВВП России
(в сопоставимых ценах 1989 года, в млрд. руб.)

	1989 г.	1990 г.	1991 г.	1992 г.	1993 г.	1995 г.	1998 г.	1999 г.	2000 г.
Млрд. руб.	605	587	558	477	435	364	338	349	395,6
% падения (роста)	100	90,3	92,2	78,8	71,9	60,2	55,8	57,6	65,4

	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	2005 г.	2006 г.	2007 г.	2008 г.	2009 г.
Млрд. руб.	415,7	433,2	467,0	500,7	532,7	564,7	608,2	672,4	615,2
% падения (роста)	68,7	72,0	77,2	82,8	88,1	93,3	100,9	105,6	-91,5

Источники: 1) Народное хозяйство РСФСР в 1990 г. Статистический ежегодник. – М., 1991; 2) Российский статистический ежегодник. – М., 2000. – С. 249; 3) Россия в цифрах в 2006 г. – М., 2006. – С. 35; 4) Афанасьев В. Великие депрессии в США и России (опыт сравнительного анализа) // Экономист. – 2002. – № 3.

В 1998 году ВВП России снизился до 55,8 % по отношению к 1989 году. Это падение среди экономик мира в годы локальных и мировых кризисов XX века **было самым масштабным**. Ни Первая мировая война с Октябрьской революцией 1917 года, ни Вторая мировая война не привели к столь значительному падению экономики, самому крупному в истории человечества **рукотворному** экономическому кризису, какой произошел в Российской Федерации. Сопоставимое падение объема ВВП России после Первой мировой и Гражданской войн составило по отношению к 1913 году 58 %. В период Отечественной войны 1941-1945 годов ВВП сократился на 21 % по отношению к 1940 году.

Даже в США в годы Великой депрессии – самого глубокого и продолжительного мирового экономического кризиса – ВВП снизился к 1933 году по сравнению с 1929 годом на 27 %. После начала фазы оживления в 1933 году к концу 1937 года ВВП в США превысил уровень 1929 года. Реальный экономический подъем начался через восемь лет после начала Великой депрессии (1929 г.). В Российской Федерации уровень ВВП 1989 года был превышен к концу 2007 года, то есть **через 17 лет**.

Экономические кризисы – это не случайные изолированные явления, а циклические воспроизводственные связи, приобретающие иногда форму **системного** характера, как это было в годы Великой депрессии 30-х годов прошлого столетия, охватывающие порой не только отдельные страны (международные кризисы), но и мировую экономику в целом. К особенностям экономических циклов на протяжении второй половины XX века относятся, во-первых, тенденция к сдерживанию любыми средствами роста производства национальных экономик в пользу государственно-монополистической системы США. Во-вторых, тенденции к динамичному росту производства за счет ускорения научно-технического прогресса, направленного на получение

Таблица 1 монопольно высокой прибыли. Нарастают диспропорции между масштабами производства и размерами рынка, связанными с платежеспособным спросом. Именно эти противоречия вызывают периодическое повторение экономических кризисов перепроизводства.

Великая депрессия ярко высветила обострившиеся противоречия между сторонами способа производства в силу отставания системы

производственных отношений частнопредпринимательского капитализма от бурно развивающихся производительных сил, требующих общественного регулирования. Способом разрешения данного противоречия стала необходимость активного **государственного** воздействия на экономику.

Все больший удельный вес в экономической цикличности кризиса стали занимать **структурные** составляющие, порождаемые глубокими диспропорциями между развитием отдельных сфер и отраслей производства. Структурные кризисы стали носить все более глубокий характер, перестали укладываться в рамки одного воспроизводственного цикла и границ отдельных национальных экономик. Характерным в этом плане являются именно структурные кризисы, связанные с энергетическими и сырьевыми факторами. В отличие от циклических кризисов перепроизводства энергетические и сырьевые кризисы – типичные структурные кризисы **недопроизводства**, что проявляется в дефиците топлива и сырья в результате значительного потребления энергии в условиях экономического роста экономик на инновационной основе. Энергетические и сырьевые кризисы стали охватывать мировое хозяйство уже в 70-е годы, а затем в 1994-1995, 1997, 1998, 2000 гг. и разразившийся в 2008 году мировой экономический кризис.

Структурные кризисы середины 70-х – 80-х годов привели к распаду системы социализма, которая не успела переориентировать экономику на новый технологический уклад и отставшей в социально-экономическом развитии от развитых стран. В политическом плане эти кризисы привели даже к локальным войнам (Афганистан, Ирак, Иран, Югославия и др.).

В России падение промышленного производства, углубление кризисных явлений продолжалось и в 90-е г. Это падение промышленного производства достигло «дна» – 40,9 % от уровня 1990 года лишь

в 1999 году, в том числе, в легкой промышленности производство упало до 12 % (1998 г.), машиностроении – 33 % (1998 г.), пищевой промышленности – 49 % (1998 г.). Это в разы превышает глубину падения в кризисные периоды в развитых странах. Проведение жесткой монетарной политики существенно сузило сферу денежного обращения. Инфляция в 1992 году достигла 1800 %. Реформа цен 1992 года лишила большинство промышленных предприятий накопленных средств, которые в благоприятных условиях можно было использовать для осуществления инвестиционных программ. Денежные накопления населения обесценились, что сократило платежеспособный спрос.

В середине 90-х годов денежная часть хозяйственного оборота составляла 15-20 %, а доля бартера значительно превышала 50 %, делая денежную систему иррациональной. В 1995 году обанкротилось почти 50 % банков, как правило, мелких. Кризис неплатежей, взаимозачеты и бартерные операции привели к росту коррупционных связей и формированию механизма «откатов» при решении хозяйственных вопросов, откровенного воровства бюджетных средств. Страна перешла к огромным заимствованиям у международных финансовых институтов (ВБ, МВФ, ЕБРР и др.), что сделало Россию одним из крупнейших должников мира. Искусственно созданная нехватка денег сделала «хозяевами» страны занимавшихся спекулятивными операциями банки и олигархов. В 1995-1998 годах экономика страны стала все более опираться на финансовую пирамиду государственного масштаба (в отличие от пирамиды Мавроди) – государственные казначейские обязательства (ГКО). Расплата была не за горами – 17 августа 1998 года государство объявило себя банкротом.

В Российской Федерации производственный аппарат был в значительной мере просто разрушен, сложилась весьма своеобразная для огромной страны структура производства. Наделенность России богатым природно-ресурсным потенциалом сориентировала олигархические структуры на участие в системе международного разделения труда как импортера природных ресурсов, особенно, энерго-ресурсов, усиливая сырьевую ориентацию российской экономики. В экспорте России преобладают нефть и нефтепродукты (более 40 %), природный газ (около 20 %), металлы (около 15 %), лес, химудобрения, урановая руда (более 10 %). Поэтому в структуре промышленности в общем объеме производства увеличилась доля этих отраслей, от реализации продукции которых получалась огромная и быстрая сверхприбыль, и, соответственно, сократилась доля пищевой, легкой, химической промышленности, машиностроения. Деградировали все отрасли производства с высокой добавленной стоимостью.

Следует однозначно признать, что был бы или нет мировой экономический кризис-2008, Россия уже стояла на пороге нового национального кризиса, поскольку практически были исчерпаны возможности технико-экономического потенциала, созданного в советский период, состояние экономической безопасности достигало критического уровня.

Мировой опыт свидетельствует, что кризис объективно, хотя и немалой ценой, расчищает поле для оживления и подъема экономики на новую технологическую базу. Открываются новые возможности для выгодных инвестиций, обновляются основные фонды на новой качественной основе, увеличивается занятость, повышается заработная плата. Все это ускоряет темпы экономического роста, значительно перекрывает качественно-количественные составляющие предкризисного периода и повышает качество жизни населения. Ничего этого, к сожалению, не произошло в Российской Федерации.

По данным официальной статистики, коэффициент обновления основных фондов снизился с 3,6 % в 1992 году до 3,3 % в 2006 году, а степень износа основных фондов за этот период уменьшилась с 40,6 % до 36,6 % [1, с. 70; 2, с. 74]. Не следует забывать, что Советский Союз выиграл войну 1941-1945 года, поскольку имел самый молодой станочный парк из всех воюющих стран. Другими словами, сокращение вложений в основной капитал и обновление его структуры является наиболее точным выражением депрессионного состояния нынешней российской экономики.

Под влиянием Азиатского финансового кризиса 1997 года, резкого падения цен на сырьевые товары произошло сокращение объемов экспорта и уменьшение валютных поступлений в Российскую Федерацию. Платежный баланс страны стал отрицательным, снизилась финансовая устойчивость. Это стало одной из главных причин августовского финансового кризиса – российского дефолта 1998 года с последующей почти четырехкратной девальвацией рубля. Это стало самой страшной катастрофой «пореформенного» времени.

Отсталые структурные диспропорции, сложившиеся в рыночной российской экономике за годы «реформ», становятся необходимым и достаточным условием для дальнейшего углубления российского кризиса. Фаза оживления российской экономики, наступившая в 1999 году, была связана с импортозамещением, вызванным девальвацией рубля после дефолта 1998 года, а также загрузкой и использованием производственных мощностей, созданных еще в советское время. Однако эта фаза носила чисто инерционный характер и не была использована для обеспечения качественной модернизации морально и физически устаревших существующих мощностей и внедрения современных технологий в целях решения задачи вывода страны

на инновационный путь развития, устойчивый экономический рост.

Россия под предлогом мнимой борьбы с инфляцией усиленно выводила так называемую избыточную ликвидность, наращивая золотовалютные резервы, стабилизационный и другие фонды, подпитывая «излишними» для России финансами экономики развитых стран. Начиная с 1999 года в структуре инвестиционных вложений стабильно преобладают вложения в финансовые активы, в фиктивный капитал. Предприятия же реального сектора Российской Федерации в условиях недостаточной ликвидности и сверхвысоких банковских процентов внутри страны ускоренно брали кредиты (деньги российских налогоплательщиков) за рубежом. В результате корпоративный долг (краткосрочного характера) достиг 550 млрд. долларов и практически сравнялся с объемом золотовалютных резервов. Российская экономика, продолжая развиваться в старых консервативных рамках, все более становилась зависимой от мировых экономических и политических процессов. Российское оживление шло за счет сокращения уровня жизни населения, что не могло не отразиться на состоянии экономической безопасности Российской Федерации.

Кризис-2008 – это следствие фундаментальных изменений в мировой экономике и носит комплексный, всеобъемлющий характер, поскольку воспроизводственный процесс сегодня – прежде всего воспроизводство государственно-монополистического капитала, которое перешагнуло границы национальных экономик и охватило все мировое хозяйство, включая и Россию. В этом заключено проявление политико-экономических закономерностей в новых глобализированных условиях.

Мировой экономический кризис-2008 обусловлен рядом объективных факторов и имеет **новые** специфические черты, к которым можно отнести:

Во-первых, мощные структурные сдвиги в мировой экономике, масштабы которой усугубляются глобализацией. Они связаны, прежде всего, с выносом «старых» отраслей производства из развитых стран, прежде всего США, в Юго-Восточную Азию, где имеет место «излишек» дешевой рабочей силы, создающей огромную прибавочную стоимость, перетекающую в сферы с высоким органическим строением капитала высокоразвитых стран, в частности, в те же США. За последние три десятилетия доля производства обрабатывающей промышленности и сельского хозяйства в структуре их ВВП сократилась с 32 до 13 %. Произведенные в Юго-Восточных странах, как правило, на американском оборудовании и технологиях потребительские товары наводняют внутренний рынок США, что привело к ликвидации местной промышленности и росту безработицы.

Во-вторых, кризис-2008 связан с перепроизводством продукции глобальных монополий и ТНК, усугубляется

завоеванием мировых рынков дешевой продукцией предприятий Юго-Восточной Азии, особенно, Китая, а также – в сфере традиционного жилищного строительства, и в целом – перепроизводством капитала.

США вступили в фазу рецессии еще осенью 2007 года в связи с падением производства в автомобильной промышленности, металлургии и других секторов. По итогам 2008 года Европейский Союз был вынужден признать сокращение производства в сравнении с соответствующим периодом прошлого года. Национальное бюро экономических исследований (NBER) – орган, который официально уполномочен объявлять рецессию, заявил, что экономика США находится в состоянии рецессии. То есть экономический спад в США начался еще до финансового взрыва в стране. Не вызывает сомнения, что массированные, доходящие до спекулятивного бума размеры вложения в жилищный (ипотечный) рынок, в фарватере которого идут США, привели к тому, что эти вложения перестали быть ликвидным активом, превратились в гигантскую спекулятивно-финансовую пирамиду и негативно сыграли на ускорение экономического кризиса.

Высказываемое порой суждение о том, что кризис-2008 якобы «разразился внезапно», что «кризис оказался для многих неожиданным и непонятным», что «денежные власти... оказались застигнутыми врасплох» [3, с. 29; 4, с. 33], – весьма примитивный подход к анализу мирового циклического экономического кризиса. Это подчеркивало и политическое руководство страны. Еще в октябре 2007 года помощник Президента Российской Федерации Аркадий Дворкович заявил, что нашу страну обойдут стороной те проблемы, которые захлестнули мировые финансовые рынки.

В-третьих, углубление олигархического капитализма привело к превращению другой стороны экономических явлений – денег и их «производных» – акций, кредита, процента – в самодовлеющий инструмент экономической жизни, оторванный от реальной экономики и реальных воспроизводственных процессов. Деньги перестали быть обменным эквивалентом материального товара. Виртуальный финансовый сектор разросся так, что многократно превысил объем реальной экономики.

Кризис-2008, его сложность и глубина для *российской экономики* имеют двоякую причину – внутреннюю и внешнюю:

Во-первых, национальная экономика России, особенно ее реальный сектор к началу кризиса-2008 еще находилась **в фазе оживления**, оттолкнувшись от дна падения кризиса начала 90-х годов, но не сумела еще в полной мере оправиться от Величайшей российской депрессии и не вышла на докризисный уровень по всем отраслям, за исключением сырьевых. Россия потеряла свою промышленность, спо-

собную производить экспортные товары, более 45 % потребляемых в стране продуктов питания – импортные, внутренний рынок находится под контролем западных структур. За ростом макроэкономических показателей в фазе оживления были упущены возможности для обновления, модернизации производственного и кадрового аппарата, российская экономика продолжала эксплуатировать и опираться на остатки производительных сил, сформированных в советское время в рамках консервативной на сегодняшний период материально-технической базы, которая к 2008 году и физически, и морально устарела.

Среднемесячные темпы промышленного спада в экономике России второй половины 2008 года составляли 3,6 %, что с точки зрения теории характеризует острую и глубокую фазу рецессии. В пересчете на годовые темпы сокращения производства это равно 35,5 %. При этом спад приобрел фронтальный характер и был зафиксирован практически во всех секторах. Например, если в мире с августа по декабрь 2008 года производство стали упало на 25 %, то в России это падение составило 40 %, на треть упало производство цемента. В январе 2009 года падение промышленного производства достигло 16,6 % в годовом выражении. Наибольшее падение зафиксировано в автомобилестроении из-за падения спроса и затоваривания готовой продукцией. Так, производство легковых автомобилей обрушилось в январе на 79,7 %, автобусов – на 83,3, грузовых автомобилей – на 74,4, тракторов – на 91,1 %.

Российскую общественность продолжали уверять, что «подушка безопасности» в стране надежна, что Россия – единственный в мире «островок стабильности», что нам удастся сохранить экономический рост, но факты говорят о том, что к 2009 году устойчивость и стабильность российской экономики, сформированные за последние 8 лет, были разрушены почти полностью.

Во-вторых, Россия, реально не оценив свое социально-экономическое положение, старалась ускоренно интегрироваться в мировое экономическое сообщество как равноправный член. Но это не стало средством выведения страны на траекторию устойчивого экономического роста, а в большей мере для российских олигархов, участников фондового рынка, особенно нерезидентов стало средством получения повышенной сверхприбыли преимущественно спекулятивного характера. А для рыночного спекулянта с желанием ускоренного получения сверхприбыли все более приоритетными становились проекты с «короткими» деньгами, кредитование торговых операций, строительство и перепродажа объектов недвижимости, земли, нефтегазовых составляющих и сырьевых ресурсов, лесоперерабатывающая промышленность, виртуальные агрегаты.

В-третьих, снижение экспортного спроса на отечественную продукцию и мировых цен на сырьевые

ресурсы, на основные предметы экспорта и повышение цен на импортные товары в значительной мере повлияли на российский экономический кризис.

Экономику России разваливали сознательно в направлении глубокой зависимости от внешних факторов: импорта продовольственных товаров, медицинских препаратов и лекарственных средств, зарубежных технологий вчерашнего дня, кредитов иностранных банков, экспорта сырьевых ресурсов. Экспортно-ориентированная российская экономика, опирающаяся на спекулятивный «пузырь» мировых цен на сырье, к осени 2008 года схлопнулась. Спекулятивная цена на нефть, достигнув июльского пика в 147 долл. за баррель, осенью 2008 года упала до 45, то есть «подешевела» в 4 раза. Министр экономического развития в феврале 2008 года заявила: «Не вижу оснований ожидать кризисных явлений в российской экономике». Российский «надутый пузырь» в рамках мировой экономической системы объективно должен был лопнуть. Кризис-2008, наконец-то, должен реально убедить политическое руководство страны, что строить модель экономического развития лишь в расчете на продажу за рубеж сырья крайне недальновидно и **небезопасно**, чревато масштабными социальными и политическими потрясениями.

Сформулируем наше видение выхода из кризиса и обеспечения экономической безопасности в сложившихся в российской экономике условиях.

Принципиальные политико-экономические вопросы, от решения которых в полной мере будет зависеть будущее России – это восстановление управляемости экономикой на научной основе, формирование нового облика, конфигурации российской экономики после кризиса. Как сказал Президент РФ Д.А. Медведев в интервью журналу «Пари-матч» накануне своего госвизита во Францию в 2010 г., «Нам нужно модернизировать экономику, нам нужно создавать несырьевые источники роста, мы должны заниматься высокими технологиями, мы должны создать, по сути, новую часть нашей российской экономики» [5], чтобы **обеспечить их безопасность**, повысить уровень и улучшить качество жизни российских граждан. Нужен принципиально новый подход, изменение самой концепции реформ.

Ведущие научные институты экономического профиля, общественно-политические объединения обосновывают возможность эффективных путей выхода из кризиса и вывода экономики на траекторию устойчивого экономического роста [6-9]. Относительно изменения экономического курса есть несколько обоснованных предложений концептуального характера [10-18].

Исходным моментом является формирование государственной идеологии развития общества, определение того, какой социально-экономический облик страны мы хотим иметь. Нужна понятная

национальная экономическая идея, способная объединить общество и придать строгую хозяйственную логику действиям правительства, в первую очередь антикризисным мерам. Пока же российское государство не ставит перед обществом целей и задач исторического масштаба. Ни одно государство не может развиваться по принципу «броуновского движения» и без масштабного долгосрочного целеполагания. Только опираясь на государственную идеологию, можно привести в действие генетический, интеллектуальный и социальный потенциал общества, как это сделал, например, Китай, давно сформировавший научное видение своей страны до 2050 года.

Сегодня же в России мы имеем крайне негативное по своим последствиям навязывание ценностей одной социальной группы другим социальным группам общества. Между тем соединение общезначимых ценностей и приоритетов в государственной идеологии с благоприятными природно-климатическими и ресурсными факторами производства, отражение в этой идеологии коллективистских традиций нашего общества могло бы стать основанием нашей надежды на лучшее будущее. Таким общим национальным интересом является, на наш взгляд, *экономическая безопасность страны*.

Вторым принципиальным моментом является то, что опора на либерально-монетаристскую концепцию, которой придерживается до настоящего времени руководство финансово-экономического блока страны, и показавшую свою несостоятельность, ошибочна, она – бесперспективна вообще, а в кризисных условиях – в особенности. Как средство выхода из экономической депрессии и кризиса-2008 эта концепция должна быть отвергнута принципиально. Об этом свидетельствует, в частности, исторический и мировой опыт. В странах (например, Латинской Америки), ориентирующихся на либерально-монетаристскую концепцию главы «чикагской школы» М. Фридмана, рекомендации «Вашингтонского консенсуса» и международных финансовых институтов (МВФ, МБРР, МБ), приоритеты которых заключаются в первенстве финансовых институтов, снижении регулирующей роли государства в экономике, борьбе с инфляцией денежными агрегатами, ускоренной приватизацией, увеличении прибылей частных предприятий, сведении к минимуму налогового бремени, в историческом аспекте, кроме существенных провалов в экономике, не получены сколько-нибудь значимые социально-экономические сдвиги. Именно на базе монетаризма виртуальный сектор финансов и их производных – деривативов превратился в самодовлеющий и независимый от реального воспроизводственного процесса.

В-третьих, руководству страны необходимо осознать, что для вывода экономики на качественно новый уровень и обеспечение ее экономической

безопасности необходим **рост** прежде всего **отечественного (!) производства**. Только рост отечественного производства позволит противопоставить денежной массе реальную товарную массу, снизить издержки, создать единый общенациональный рынок, решать проблемы пенсионной системы и другие назревшие реформы.

В-четвертых, к предложениям **концептуально-го характера** можно отнести следующие: усиление роли государства в регулировании экономики, в первую очередь, в развитии отечественного производства на новой качественной основе, активизации научно-технического потенциала, в ценообразовании в естественных монополиях, в том числе сырьевых, в оздоровлении системы государственных финансов и нормализации денежного обращения, в концентрации ресурсов на приоритетных отраслях экономики, государственного заказа и государственных закупок, в повышении эффективности социальной политики, обеспечении защиты прав собственности и других институциональных условий эффективного функционирования рыночной экономики, защите национальных интересов во внешнеэкономической и внешнеполитической сфере.

В-пятых, **усиление роли государства** в этом процессе. Об этом свидетельствует и мировой опыт. Но российские сторонники либеральной рыночной модели продолжают отстаивать тезис, что и в кризисных условиях, чем государства меньше в экономике, тем лучше. Повышение роли государства в экономике в условиях кризиса они относят к основным рискам, как например, в докладе, представленном Институтом современного развития (И. Юргенс) [4]. Эту же мысль высказал Президент Российской Федерации, выступая в Высшей школе экономики в Англии 2 апреля 2009 года. Этот тезис, как сигнал для всех, что либерально-монетаристский курс будет продолжен, прозвучал и в Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию: «...в период кризиса роль государства в экономике, естественно, вновь возросла. Причем, конечно, эта тенденция наблюдается во всем мире, но, с точки зрения долгосрочных перспектив, ничего хорошего в этом нет».

Мировой опыт наоборот свидетельствует, что в кризисных условиях управление экономическим развитием со стороны государства служит базой для сглаживания циклических колебаний, стабилизации динамики экономического роста как для экономики в целом, так и для отдельных ее крупных отраслей*.

* Опыт свидетельствует, что рынок, особенно в период своего становления и развития, эффективен при условии действия «сознательно функционирующих» механизмов, «учреждения централизованного контроля» (по терминологии Дж.М. Кейнса). «Саморегулирующий рынок», – пишет Дж.М. Кейнс, – за руки нас не возьмет и к вершине прогресса не поведет» [19, с. 430].

Начиная с Великой депрессии в США и кончая кризисами последних лет, именно государство берет на себя ответственность за определение стратегии и тактики экономической и финансовой работы, выработку на этой основе соответствующей экономической политики (бюджетной, налоговой и др.) и ее реализации посредством установления единых правил организации экономических связей в обществе и неукоснительного контроля за их исполнением. От этого в значительной мере зависит скорость и направления выхода национальной экономики из кризиса, а в обеспечении экономической безопасности государство – главный институт.

Примером могут служить и действия американского правительства, принявшего решение о национализации, например, страховой компании «Эй-Ай-Джи» и многих банков. Аналогично поступают в Великобритании, Франции и других странах. Эти действия явно свидетельствуют о повышении роли государства в кризисный период для амортизации пороков рыночной системы с целью обеспечения экономической безопасности. Российское руководство, ошибочно считая, что нынешний кризис – это мировой **финансовый** кризис [20], продолжает опираться на либеральную монетаристскую концепцию. Обосновывая эту концепцию, заместитель Председателя Правительства Российской Федерации, Министр финансов России А. Кудрин считает, что «в периоды кризисов, в большинстве случаев основную роль играли меры денежно-кредитной политики в силу их большей оперативности и сравнительно более высокой эффективности» [21].

Не удивительно, что главным в антикризисных мерах российского правительства вместо существенного увеличения государственных инвестиций на экономическое развитие на новой технологической базе в реальном секторе экономике, увеличения выпуска качественно новой отечественной продукции стало «спасение» банковской системы, «предоставление ей необходимой наличности, то есть денежных средств, которые позволили бы банкам осуществлять свою деятельность...» [22; 23]. Другими словами, антикризисные меры были направлены на спасение интересов олигархата, который во многом был ответственен за кризис-2008, сам располагал огромными возможностями для решения своих финансовых проблем без государственной поддержки.

Поэтому именно на эти цели Правительство Российской Федерации и Банк России направили огромные финансовые ресурсы: 1360 млрд. рублей, или более 45 % из общего их объема по оздоровлению экономики, заложенных в Программу антикризисных мер на 2009 год**. На сохранение и повышение промышленного и технологического потенциала – 775 млрд. рублей или меньше 25 %. В целом же в 2009 году стоимость мер по поддержке

национальных экономических систем составила в России примерно 12-15 процентов ВВП, а в Западной Европе – 5-6 процентов ВВП, примерно столько же в США. «Новая» либерально-монетаристская модель вывода страны из кризиса в России тут же превратилась в новый бизнес с высокой степенью сверхприбыльности – это новая угроза экономической безопасности страны.

Направив более 50 млрд. долларов отечественным банкам на покрытие ликвидности и погашение внешних долгов, не осуществив должного гласного контроля за расходованием этих средств, как это делается в США и странах Европы, мы в конечном итоге получили, что все деньги «патриоты-олигархи» направили за рубеж и выплеснули на валютный рынок, направили их на покупку иностранной валюты, что резко усилило давление на российский рубль. Упущено не только время, но и за счет средств налогоплательщиков опять обогатились олигархи, фактически осуществив приватизацию государственных финансовых резервов, сформированных в результате мирового спекулятивного сырьевого бума 2004 – первой половины 2008 года. Это и не удивительно, поскольку все отечественные рыночные механизмы сильно искажены откатами и коррупцией, для которых кризис – благодатная почва.

Анализ антикризисной программы Правительства Российской Федерации также выявляет явные перекосы в сторону поддержки сферы финансов и банков в ущерб реальному сектору экономики. Так, безусловным приоритетом антикризисной программы в 2009 году являлось повышение устойчивости финансовой системы, на которую выделено 1355 млрд. рублей, или 46,2 % общего их объема. Другими словами, в отличие от антикризисных мер стран «большой двадцатки», которые финансируют свои антикризисные программы за счет прямых бюджетных расходов, в России продолжается поддержка финансового сектора, которая все увеличивается и увеличивается. По данным Счетной палаты РФ, более 85 % денежных средств оказалось направленными на поддержку финансовой системы, игр на фондовом рынке и спасение олигархов и только 10-15 % на поддержку реальной экономики и населения. Между тем, по подсчетам экспертов, только для ведущих стратегических предприятий реального сектора в целях их структурной перестройки

** О дополнительных мерах по поддержке финансовой системы Российской Федерации: Федеральный закон от 13 октября 2008 г. № 173-ФЗ. По этому закону Сбербанк получил от контролирующего акционера Банка России субординированные кредиты без соответствующего обеспечения на общую сумму 500 млрд. рублей на срок до 1 января 2020 г. под 8 % годовых. ВТБ получил от Внешэкономбанка 200 млрд. рублей, а Россельхозбанк – 25 млрд. рублей.

требуется не менее 3 трлн. рублей. Но в антикризисной программе даже нет целевых мер по поддержке инновационных отраслей. Нет и целевой поддержки системы образования, что делается в развитых странах. Следовательно, рассчитывать на модернизацию экономики и очистительную функцию кризиса с такой программой вряд ли целесообразно.

Выход из кризиса-2008 должен основываться только на развитии внутреннего национального производства, сориентированного на расширение внутреннего спроса, стимулирование инвестиционной активности в реальном секторе национальной экономики, а не банковской сферы путем прокручивания огромных кредитных государственных ресурсов через валютный рынок, принося сверхприбыль валютным спекулянтам, как это делается в России. Западный бизнес давно понял, что полученные во время кризиса от государства финансовые вливания выделяются не для того, чтобы нажиться, а чтобы выжить и сделать скачок в экономическом развитии. Поэтому о высокой рентабельности западные бизнесмены на какое-то время стараются забыть. Примером может быть стимулирование массового спроса во многих странах.

В российских условиях акцент должен быть сделан не только на стимулировании потребительского спроса, но и стимулировании предложения, то есть на приоритетную поддержку отраслей, производящих продукцию, общественные блага и услуги конечного спроса. Это, прежде всего, жилищное строительство, легкая промышленность, производство потребительских товаров длительного пользования (автомобили, мебель, бытовая техника). Двигаясь в этом направлении, можно обеспечить необходимые структурные сдвиги в экономике, улучшить ситуацию с безработицей, сбить инфляцию.

Таким образом, **обеспечение экономической безопасности в условиях современного кризиса и трансформации российской экономики в условиях глобализации – это сложный целостный процесс**, это действительно сложнейшая реформа важнейших составляющих: экономических, социальных, правовых, политических механизмов. Отсюда вытекают принципиальные выводы.

Первое. Выход из кризиса – это не одномоментный, сиюминутный, а сложный процесс, учитывающий объективные и субъективные факторы, мировой опыт и национальные особенности страны, учета цикличности общественного воспроизводства, и требующий введения принципиально новых способов управления экономикой.

В этой связи вызывает принципиальное возражение, что «невозможно предсказать, каким именно будет новый экономический порядок после кризиса. Никто не знает» [24]. Такой подход есть непроизвольное скатывание на позиции неолиберального монетаризма, «вашингтонского консенсуса».

Суть вопроса, наоборот, заключается в том, чтобы предвидеть российскую экономику будущего, используя для этого весь имеющийся в стране научный потенциал, материально-технические и финансовые ресурсы. Поэтому весьма трудно согласиться с позицией Министра финансов А. Кудрина, что антикризисные меры Россия может разработать «только на один год – в силу накопленных ресурсов». Наоборот, формирование и реализацию антикризисных мер необходимо нацелить не только на текущие проблемы, но и увязать с Концепцией-2020, *которая разрабатывалась задолго до кризиса*, внести в нее **серьезнейшие коррективы, новую периодизацию** и учесть комплекс среднесрочных мер, направленных на *структурную перестройку и модернизацию экономики на инновационной основе, поднять конкурентоспособность* отечественной промышленности теперь уже в условиях мирового кризиса.

Второе. Сегодня, даже если и идет речь о государственной поддержке реального сектора экономики, то обсуждение продолжает идти в направлении объема финансовых средств для «латания сиюминутных финансовых дыр» будь то в Автопроме, АПК, ВПК, ОАО «Российские железные дороги», финансировании горнорудных слияний и других направлениях, о реструктуризации задолженности российских компаний по кредитам за счет государственных средств и т.п. Другими словами, речь идет, как об этом не хочется повторять, о спасении олигархической системы. Между тем, модернизация и диверсификация российской экономики, перевод ее на инновационный путь развития должны делаться в жестких условиях кризиса, **а не после его завершения. Кризис – это шанс для модернизации** российской экономики.

Особое внимание в период выхода из депрессии и кризиса-2008 должно быть обращено на широко-масштабное внедрение в экономику ресурсосберегающих технологий, а также создание современной производственной инфраструктуры (строительство дорог, подъездных путей, модернизация средств транспорта и т.д.). Учитывая современное состояние машиностроения и строительства, потребуется применение гибких протекционистских мер, направленных на поддержку внутреннего инвестиционного спроса.

Третье. Необходимо оживить потребительский рынок на основе расширения покупательского спроса и поддержки отечественных производителей товаров и услуг при одновременном условии обеспечения их конкурентоспособности с зарубежными производителями.

Анализ прогнозных показателей социально-экономического развития на очередную трехлетку (2010-2012 гг.) свидетельствует о том, что в прогнозируемый период на динамику и изменение структу-

ры розничного товарооборота будут оказывать влияние замедление темпов роста доходов населения и сохранение высокой динамики роста цен на товары, что будет тормозить рост оборота розничной торговли. В результате розничный товарооборот будет демонстрировать позитивную динамику, но с ее ослаблением. За 2010-2012 годы оборот розничной торговли увеличится на 8,9 % со среднегодовым приростом 2,9 процента.

Четвертое. Необходимо проведение активной инвестиционной политики, формирование экономики будущего. Практически во всех развитых странах мира делается все, чтобы стимулировать финансовые вливания в производство на новой технологической базе – от резкого снижения процентных ставок за кредит до налогового стимулирования инвестиций. В условиях кризиса следует вернуться и восстановить инвестиционные льготы, ввести в практику предоставление налоговых каникул по основным налогам до момента вывода вновь вводимых мощностей на запланированные объемы производства.

Пятое. Закон о приватизации должен быть дополнен законом о национализации, деприватизации, реституции и конфискации, так как приватизация во многих случаях была проведена с грубейшими нарушениями законодательства, в ущерб интересам государства. Например, бесконтрольная передача земли в частную собственность, скупка за бесценок новоявленными капиталистами лучшей земли у крестьян для последующей ее продажи или под строительство элитных поселков, зарастание миллионов гектаров пашни бурьяном и мелколесьем привели к резкому снижению эффективности сельского хозяйства. В то же время в развитых странах неэффективно используемая земля, особенно сельскохозяйственная, немедленно национализируется (причем без выкупа) и вновь выставляется на торги. Норма статьи 8 Конституции Российской Федерации о равной защите частной, государственной, муниципальной и иных форм собственности должна быть реализована на деле. Многие экономисты сегодня уже не отрицают необходимости национализации. Однако нередко она трактуется как предоставление народу права выкупить по рыночным ценам имущество, приобретенное далеко не по рыночным ценам, а в обмен на скупленные за бесценок ваучеры. Это не имеет ничего общего с национализацией и представляет собой способ ее дискредитации.

Шестое. Переходу на инновационный путь развития в России мешают бездумно введенные налоговые барьеры. Многие поправки, введенные в Налоговый кодекс, начиная с 2000 года, фактически нацелены на усиление фискальной функции налогообложения в ущерб стимулирующей путем ликвидации инвестиционных и инновационных льгот. К таким явно курьезным с экономической точки зрения моментам могут быть отнесены ликвидация на-

логовых льгот на прибыль предприятий, инвестируемую в расширение и техническую реконструкцию производства; на прибыль, направляемую на научно-технические разработки, повышение квалификационного уровня работающих и др.

Следует вернуться к злополучному налогу – НДС. Сегодня уровень этого налога делает невыгодным производство не только инновационной, но и любой готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. В Западной Европе этот налог составляет 15 %, а в США вообще такого налога нет. Здесь более эффективно действует налог с продаж, который лучше стимулирует производство новой техники с высокой добавленной стоимостью.

В условиях кризиса следует вернуться и восстановить инвестиционные льготы, ввести в практику предоставление налоговых каникул по основным налогам до момента вывода вновь вводимых мощностей на запланированные объемы производства. Практически во всех развитых странах мира законодательством установлена прогрессивная (нелинейная или непропорциональная) шкала налогов, при которой чем больше доход физических лиц, тем большая доля отдается государству в виде налогов. Это необходимое условие сбалансированности и устойчивости рыночной экономики, ее инвестиционной емкости и социальной справедливости. Нет ни одной страны мира, где бы действовала плоская шкала подоходного налога как в России (13 %). И доводы о том, что если перейти с 13 %-й плоской шкалы на прогрессивную, то богатые якобы не будут платить и эти 13 %, уводя свои доходы в «тень» – абсолютно необоснованны. Они свидетельствуют о слабости государства. Об этом свидетельствует и мировой опыт. Между тем анализ показывает, что если провести корректировку распределения доходов за счет прогрессивного налогообложения и изъятия доли доходов наиболее богатых и передачи этой доли бедному классу, то темп экономического роста можно поднять в полтора раза [25].

Государство дало олигархам еще одну поблажку: низкий (от 0 % до 9 %) налог на дивиденды. В результате в 2005-2008 годах на выплату дивидендов ежегодно направлялась все большая доля прибыли крупных корпораций. Почти все олигархические компании приняли решение о выплате рекордных дивидендов в период с октября по декабрь 2008 года, когда кризис-2008 был уже в разгаре и предприятиям как воздух нужны были оборотные средства.

Представляется, что следует расширить функции государственного заказа. При этом инновационные сдвиги в образовании, здравоохранении, науке – это также государственный заказ, увеличивающий внутренний спрос и обеспечивающий **экономическую безопасность страны.**

Изложенные составляющие коренного реформирования социально-экономического курса с целью

обеспечения экономической безопасности страны предполагают адекватное отражение их в законодательных нормах, действующем законодательстве: Налоговом кодексе, Бюджетном кодексе, Таможенном кодексе, Гражданском кодексе, корпоративном законодательстве, законодательстве о научно-техническом развитии. Они должны быть не просто изменены поправками по принципу «латания дыр», а кардинально пересмотрены, а главное – необходимо подготовить и принять специальный **Закон об экономической безопасности России**, нацеленный на формирование экономики будущего.

Литература:

1. Россия в цифрах. 2007. Краткий статистический сборник. – М., 2007.
2. Россия в цифрах. 2008. Краткий статистический сборник. – М., 2008.
3. Григорьев Л., Салихов М. Финансовый кризис-2008: вхождение в мировую рецессию // Вопросы экономики. – 2008. – № 12. – С. 29-57.
4. Юргенс И. Необходим объективный мониторинг ситуации в центре и регионах. Преодолеть кризис в реальном секторе экономики. Материалы расширенного заседания Президиума правления ТПП РФ 23 декабря 2008 года. – М.: ТПП-Информ., 2009.
5. Володин М. Медведев о Путине: у нас с ним одна группа крови // Комсомольская правда. 25 февраля 2010.
6. Реформы глазами американских и российских ученых / под ред. акад. О. Богомолова. – М.: Российский экономический журнал: фонд «За экономическую грамотность», 1996. – 265 с.
7. Путь России в XXI век: стратегические проблемы и перспективы российской экономики / рук. авт.колл. Д. С. Львов. – М., 1999. – 793 с.
8. Нобелевские лауреаты по экономике: Взгляд из России. – СПб.: Гуманистика, 2000. – 967 с.
9. Абалкин Л. И. Стратегический ответ России на вызовы нового века. – М.: Экзамен, 2004. – 302 с.
10. Воронин Ю.М., Селезнев А.З., Чередниченко Л.Г. Россия: экономический рост – М.: Финансовый контроль, 2004. – 739 с.
11. Кузык Б.Н., Яковец Ю.В. Россия – 2050: Стратегия инновационного прорыва. – М.: Экономика, 2004. – 624 с.
12. Инновационный путь развития для новой экономики /отв. ред. В.П. Горегляд. Центр социально-экономических проблем федерализма Института экономики РАН. – М.: Наука, 2005. – 715 с.
13. Воронин Ю. Ориентиры выхода из экономического кризиса // Экономист. – 2001. – № 5. – С. 11–21.
14. Воронин Ю.М. Приоритеты бюджетной политики // Экономист. – 2002. – № 6. – С. 52-63.
15. Воспроизводство интеллектуального потенциала страны. Федеральный справочник. Выпуск 11. – 2002. – Январь-июнь.
16. Воронин Ю.М. Состояние и условия эффективного воспроизводства научного потенциала страны // Проблемы прогнозирования. – 2003. – 9 января.
17. Основные проблемы и условия эффективного воспроизводства отечественного научного потенциала (Сводный аналитический доклад). Бюллетень Счетной палаты Российской Федерации. – 2003. – № 6(66).
18. К вопросу о качестве экономического роста // Вестник Российского государственного торгово-экономического университета. – 2004. – № 3.
19. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. В сб.: Антология экономической классики. В 2-х томах. Т. 2. – М.: Эксмо, 1993. – 501 с.
20. Бюджетное послание Президента Российской Федерации о бюджетной политике в 2010-2012 годах. 25 мая 2009 года. – М., 2009.
21. Кудрин А. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию // Вопросы экономики. – № 1. – 2009. – С. 22-24.
22. Выступление первого заместителя Председателя Правительства Российской Федерации И.И. Шувалова в Государственной Думе Российской Федерации. Государственная Дума. Стенограмма заседаний. Бюллетень № 71 (1044). Часть I. – М.: Изд. Государственной Думы. – 30 января 2009 года. – С. 17.
23. Выступление Министра финансов России А. Кудрина перед министрами финансов, экономик и глав Центробанков государств СНГ 31 марта 2009 года.
24. Выступление Первого исполнительного вице-президента РСПП А. Мурычева: Антикризисные меры государственной поддержки реального сектора экономики. Выпуск 2. Стенографический отчет 19 февраля 2009 года. – М., 2009. – С.17.
25. Шевяков А.Ю. Факторы неравенства в экономической и демографической динамике и формирование новой социальной политики государства // Вестник российской академии наук. Том 77. – 2007. – № 4.

Economic Security in present-day crisis

T. Antropova

Academies of the state and municipal management at the President of Republic Tatarstan

The article deals with economic security problems in present-day crisis, new threatening that have an influence on reduction of crisis, and conceptual measures for way out of the crisis and for economic security ensuring have been suggested.

Key words here are economic rise; new threatening for economic security; suggestions for economic security ensuring; present-day crisis; crisis management measures; structural reconstruction and innovative modernization of economics, native industry competitiveness under world depression.

